
Андрей ДМИТРИЕВ

* * *

Грусти, фагот, рифмуй, виолончель,
найдя опору в худеньком плече,
над бездной по натянутому слуху
к нам шествуй, скрипка — пусть контужен мир,
глухими населяемый людьми,
но без баланса хрупкого он рухнет.

Сидишь в зоологическом кафе,
где кенгуру в широких галифе
из сумок достают детей ушастых
и потчуют их сказками о главном,
вернув дедов из внутренней Валгаллы
как память о былом семейном счастье.

С волчицей волк пьют красное с утра,
из-за флажков в лесу придя сюда
в надежде наконец следы запутать.
Бобер грызет столь задубевший хлеб,
что стружками покрылась на столе
сырая скатерть бесконечной смуты.

А выйдешь, снова воздуха вдохнув,
что свойствами прозрачности в дыму
давно не ищет повода похвастать,
и голова поедет на осях
тяжелого от груза колеса
туда, где ох не все решает масса.

Рассыпав ноты, тщетно дирижер
их вновь собрать пытается, ведь взор
без пары линз пенсне, разбитых в драке,
впредь близорук, а пальцы убегут
во тьму земли, сочтя напрасным труд
и лишь нащупав узел на удавке.

Андрей Николаевич Дмитриев родился в 1976 году. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Член Союза журналистов РФ. Публиковал стихи и прозу в сетевых изданиях и в журналах «Нева», «Дружба народов», «Крещатик», «Новая Юность», «Prosōdia», «Плавучий мост», «Байкал», «Гвидеон» и других. Живет в Нижнем Новгороде.

Играй, оркестр, пока то стоит свеч,
мгновений, ожиданий, рисков, встреч,
а значит — жизни. Восковой фигурой
расплывчато нас данность сторожит,
но мы не ей по вексялям должны,
как думает корректор партитуры...

* * *

Мы пьем с тобой, как птицы городские
из мутных луж, вытягивая выи
подобно горлышкам бутылок (где же вина,
которым те, бесспорно, дали б ход?).
Унылый двор уликами пейзажа
завален, как бывшее место кражи,
и мы остались в этом антураже
лишь птахами, вспорхнувшими на холм.

Отсюда вид, не то чтоб интересен,
но позволяет видеть спинки кресел,
где — нет, не ФИО режиссеров (если б!) —
зато порядковые номера
усталых братьев-месяцев, сидящих
по круглому периметру не дальше,
но и не ближе к нам, чем старый ящер,
желающий ни пуха, ни пера

скуластым гладиаторам на ринге
войны и мира. Золотое иго
осенних листьев сброшено, лишь фиги
листочек остается прикрывать
последнее достоинство. Природа
так жалостливо сморщилась у входа
(хотя здесь выход), что, пожалуй, подло
пенять ей на сожженную кровать.

Мы изучаем контуры реалий,
дивясь топорной выделке деталей,
уже без презентабельной эмали
слагающих предложенный сюжет:
мы в нем с тобой, как птицы городские —
летим над тем, что по зиме остынет
и будет сфинксом посреди пустыни
белесой наставлять своих же жертв.

Но что есть крылья — если не возможность
вытягивать на волю свет подкожный,
хоть все завешено торжественною ложью
во благо, как о ней скрипит скамья

под липами (она же — подсудимых).
Мы видим солнце за клубами дыма,
но, птицами являясь городскими,
не знаем, чем закончится зима...

* * *

Как больничная койка скрипит о ближнем,
как за кем-то в снегах волочатся лыжи,
как вздыхает трава о тех, кто ниже —
так шуршит на твой счет ворох писчих листьев,
что, чураясь мерцающей оцифровки,
занимает оставленный жизнью цоколь,
где подвыпивший сторож уснул на циновке
без доверия к прочим физическим лицам.

Как сухая сосна снизу вверх не смотрит,
как пчела все цветы помещает в соты,
как приемщик тариф применяет к сорту —
так и все мы во власти каких-то условий.
Вот придет разрядка — наденешь тогу,
а прикажут — и робу, что ближе к Богу
даже ризы порой, если знаешь дорогу
или верный маршрут подсказала совесть.

Как летучий корабль в нас топит якорь,
как из форм молоко выбирает флягу,
как в пустыне любого запишут в бродяги —
так и мыслям привычной служебный выход,
если всюду промзона (а то и хлеще),
покидая ее, не забудь, кстати, вещи:
повстречаешь Олега (который вещей),
конский череп вернешь за шелом ежевики.

Как болотные газы пугают пришлых,
как себя же к варенью готовят вишни,
как из праха растут караульные вышки —
так и явь ожидаема чаще по фронту,
и иллюзия фланга, где все под контролем,
заселяет гусями пустой Капитолий,
только даже суфлер позабыть может роли,
округляя глаза у актеров на фото.

* * *

Придвинешь стул — так, словно твердь толкнешь
к себе, взяв тягловой рукой за спинку,
служившую хребту опорой все ж,
как ось небезупречному. По стыку

пройдет короткий импульс, и замрет
окно напротив, мутной занавеской
отгородившись от чужих забот
по ту и эту сторону. В отместку
сумбурный мир сквозь форточку вдохнет
холодный воздух с примесью бензина:
пространство в клетку, и опять твой ход,
но только двигать стул и хватит силы...

Скрипучий, старый, краска оползла
на ножках — внешне очень символичен
для тех ассоциаций, что не зря
рождают образно две пары ломких спичек,
державших восседающий огонь,
но, правда, на секунды — все остынет,
обуглится, рассыплется, и гол
вновь будет ум, как эллин на картине.

В сон геометра входит дама пик,
а стало быть, сюжет перетасован,
и вряд ли из оставшихся улики
приличных версий, годных для основы,
теперь построишь. Просто — сдвинешь стул,
лишая равновесия природу
локальной пустоты, но пустоту
не оттеснишь к стене или комоду.

* * *

Говорим вполголоса, но говорим, все еще говорим.
Это так грустно: вновь понимать слова,
как последнее право оставшихся здесь — внутри,
когда ничего не стоит, пожалуй, и голова.
А на набережной из пасти гранитного льва
вылетают мыльные пузыри.

Говорим и думаем, что живы — еще, пока:
голубь сел на окно, но в толщу квартиры глядит
не только сквозь стекла, но и сквозь нас. Строка
сообщает об этом, сделав сконфуженный вид.
А вот кошка не скажет, где у нее болит,
люди подумают: требует молока.

Говорим, а сами в домах приглушаем призывный свет.
Кто-то с липким блокнотиком встал с изнанки стены.
Вспоминаю прабабушку, которой давно с нами нет,
и рассказы ее о страшном, но до войны.

Этот топор извлечен из воскресшей спины
для нанесения новых кромешных лет.

Говорим, но сами ли верим в то, что сейчас говорим.
В пыльной маршрутке катится в никуда
некий Самгин, который по паспорту — Клим:
есть ли тут мальчик, или взяла вода?
Вверх или вниз следует плыть до дна?
Договорим и встанем в конец строки...

* * *

Аполлинару сбегала от Ф. М. —
и узел страсти в сноп стянул сюжетность,
но канул в ванне подключенный фен,
успев встряхнуть в ней млеющую жертву.
Прощай, Рейкьявик, и прощай, Норфолк:
мы уплываем на обломке мачты
туда, где впредь базируется флот
воздушный (под звездой в парах коньячных).

Из темной спальни отставной вдовы
с ногами — будто стойки микрофонов —
шагают аисты (порожняком, увы).
Анубис горсть сушеных фараонов
берет под пиво, пялясь в монитор,
где шум песка в растрескавшейся колбе
часов плетет мистический узор,
пока у смерти столь крутое лобби.

Сидит поодаль заклинатель змей
и нудно закликает, закликает,
а кобра, словно канцелярский клей,
из тюбика течет к нему по краю
отрывочного мнения о том,
что все есть яд и между тем лекарство,
но густонаселенный желтый дом
таким путем давно бы склеил ласты.

В библиотеке школьной — тихий час:
Ф. М. на нервах — сроки жмет Стелловский,
но, кажется, еще остался шанс
сдать вовремя роман: играть — так в кости,
коль сам — игрок. Словесный перегонной
стал почвой, но не дал родиться хлебу,
еще в утробе строевой ногой
растоптанному с воплем: левой-левой!

* * *

Кролик, беги — лес и сам, как одышка,
звучащая оправданием. Отклеилось объявление
с предложением купить беговые лыжи
и висит на одном уголке бумаги, где клея
было, видимо, больше. В бардачке машины у дома,
что напротив — таблетки от подлой болезни,
которая подбирала долго
ключи к зажиганию — и теперь бесполезно
устранять пару вмятин по правому борту
(не за них отберут права).
Ослабла гаечка и покидает болтик.
Кролик, беги. Пора.

Начитался вот на ночь всякого самоедства —
и алмаз в оловянной оправе разрезает стекло окна,
чтобы в душу вернулись прыщавые страхи детства,
понабравшись в прибрежных пабах за кружками молока
спорных тезисов, что правда — если не в силе,
«не в деньгах, и не в количестве женщин,
и не в старом фольклоре, и не в новой волне»,
то в реконструкции кирасира,
как сверкающей вещи
на троянском коне...

Кролик, беги — сквозь силки и потные руки
натуралистов (давно уж не юных):
можно ли верить в главном даже доктору, скажем, науки,
если плюет мимо урны
и зло ото зла отделяет,
применив математику
или историю (в новой редакции)?
Сонное царство завалено всюду телами
и, лишь приглядевшись внимательней,
старыми школьными ранцами.

Ручка дверная расшатана от частых рывков,
за порогом (смотря с какой из сторон) —
куст репейника и скульптуры античных богинь
(сколько нужно, чтоб вывезти их, армейских грузовиков?).
Скоро личное дело каждого ляжет на кухонный стол.
Кролик, беги. Беги...